ПРЕГЛЕД / ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ / SURVEY AND BOOK REVIEWS

Дмитрий И. Полывянный (Иваново, СССР)

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О МИТРОПОЛИТЕ КИПРИАНЕ

Невена Дончева-Панайотова. *Киприан — старобългарски и староруски книжовник.* Наука и изкуство, С., 1981, 215 с.

Книга болгарского историка литературы Н. Дончевой-Панайотовой является первой в современной историографии попыткой целостного монографического исследования общественно-политической деятельности и литературно-книжного наследия митрополита Киприана — одного из крупнейших политических деятелей Восточной Европы в сложную и во многом переломную для нее эпоху конца XIV — начала XV вв. В последнее время интерес к Киприану, чья „блестящая личность", по выражению выдающегося исследователя восточноевропейского средневековья Дж. Мейендорфа, „доминирует в церковной, культурной и политической истории Руси после 1370 г.",[1] возрос как в СССР и Болгарии, так и на Западе. Об этом свидетельствует появление нескольких монографий и статей, прямо или косвенно затрагивающих вопросы многогранной и полной коллизий деятельности знаменитого исихаста, яркой политической фигуры эпохи складывания единого Русского государства, видного писателя и книжника, внесшего значительный вклад в развитие древнерусской литературы.[2]

Труд Н. Дончевой-Панайотовой — результат многолетнего и плодотворного изучения обширного рукописного материала в архивохранилищах Советского Союза. В центре внимания автора находятся прежде всего вопросы литературно-книжной деятельности Киприана. Во введении исследовательница справедливо характеризует митрополита как одну из наиболее ярких фигур „второго южнославянского влияния", первый период которого совпадает с началом деятельности Киприана на Руси.

Первая глава „Киприан в оценках его современников и исследователей" в удачной форме знакомит читателя с главными источниками о жизненном пути и деятельности Киприана и основными вехами в развитии посвященной митрополиту значительной историографии. Детально анализируя „Похвальное слово митрополиту Киприану" Григория Цамблака, Н. Дончева-Панайотова делает ряд интересных наблюдений в отношении обстоятельств и целей создания памятника, выдвигает дополнительные аргументы в поддержку мнения, что „Слово" было написано в связи с посещением Цамблаком Москвы в 1409 г. В историографическом разделе дан обзор дореволюционных русских, советских и болгарских работ, посвященных Киприану, его церковной и политической деятельности на Руси, роли в развитии болгаро-русских культурных связей. Отдавая себе отчет в сложности поставленных исследовательских задач, автор не замалчивает и

[1] J. Meyendorff. Byzantium and the rise of Russia: a study of Byzantino-Russian relations in the XIV century. — Cambridge, 1981, p. 199.

[2] И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Прохоров, Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978; A. Ταχιάος. Ὁ μητροπολίτης Ρωσίας Κυπριανός Τσαμπλάκ. — Ἐπιστημονική Ἐπετηρίς Θεολογικῆς Σχολῆς, τ. XI, Θεσσαλονική, 1966, σ. 163—241; J. Meyendorff. Op. cit.; G. Obelensky. A Philorhomaios anthropos. Metropolitan Cyprian of Kiev and all Russia. — Dumbarton Oak papers, v. 32, 1979, p. 79—98.

тех негативных оценок роли Киприана в политической и культурной жизни Руси, которые имеют место в историографии. Хотелось бы видеть в этой главе и анализ западной научной литературы, в особенности трудов Д. Оболенского, А. Тахиаоса, Дж. Мейендорфа. Из советских исследований не упомянута небольшая, но весьма интересная работа Н. С. Борисова.[3]

Вторая глава посвящена жизненному пути Киприана. В начале ее Н. Дончева-Панайотова останавливается на спорном вопросе о происхождении митрополита, доказывая его родство со знатной тырновской фамилией Цамблаков, к которой принадлежали патриарх Евфимий Тырновский и Григорий Цамблак.[4] Принимая в целом аргументацию автора, заметим, что вызвавшее столько споров выражение в „Похвальном слове" Григория: „Отец ваш, иже плачу. . . брат беаше нашему отцю", на наш взгляд указывает скорее на прямое родство Киприана и главы болгарской церкви Евфимия Тырновского, чем на то, что митрополит был братом отца Григория Цамблака (с. 28, 37, 55, 61). При описании общественнополитической деятельности Киприана исследовательница в целом следует ее интерпретации советскими историками И. Б. Грековым и Г. М. Прохоровым, дополняя изложение показательными фактами и деталями, извлеченными из посланий Киприана русскому духовенству и документов Константинопольской патриархии. Будучи сторонником исихастской политической концепции объединения всей православной Восточной Европы против османской опасности и экспансии католического Запада, Киприан неизбежно вступал в конфликт с великим Московским князем Дмитрием Ивановичем, основные задачи внешней политики которого вытекали из конкретной обстановки на Северо-Востоке Руси, требовавшей прежде всего объединения северо-восточных русских земель вокруг Москвы и немедленного начала борьбы за освобождение от татаро-монгольского ига. Успехи освободительной борьбы сделали возможной постановку перед крепнущим Русским государством более широких внешнеполитических целей, и Киприан вновь занял свое место на московской митрополичьей кафедре. Характеризуя отношение Киприана к великокняжеской объединительной политике, Н. Дончева-Панайотова справедливо отмечает, что в его лице московский престол нашел одного из первых крупных идеологов, обосновывавших и поддерживавших общерусскую политику потомков Калиты. Что касается канонической и литургической деятельности митрополита, то, как показывает исследовательница, она играла первостепенную роль в распространении на русских землях богатого наследия и опыта Тырновской патриархии — в XIII—XIV вв. второй после Константинопольского диоцеза по мощи и значению православной церковной организации. Очерк жизненного пути Киприана мог быть более цельным и полным, если бы автор обратил большее внимание на общую идейно-политическую обстановку в Восточной Европе в последней трети XIV в., более детально проследил бы становление Киприана как политического и церковного деятеля в Константинополе и на Афоне.

Третья глава рассказывает о переводческой и переписческой деятельности Киприана. Здесь Н. Дончева-Панайотова с большим знанием дела рассматривает многочисленные списки переводов Киприана, исправленных и переписанных им богослужебных книг. Особое внимание автор уделяет трем идентифицированным автографам Киприана: спискам Лествицы Иоанна Синайского, сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита и Псалтыря. Касаясь последнего из перечисленных памятников, исследовательница отмечает, что здесь впервые в древнерусской литургике появляются тропари с кондаками в честь болгарских святых Петки Тырновской, Иоанна Рильского и Илларионa Мегленского. При анализе ряда текстов, исправленных и переписанных Киприаном, автор вслед за Й. Ивановым приходит к обоснованному выводу, что они были не собственными переводами митрополита с греческого, а списками со среднеболгарских оригиналов, связанных с Евфимием Тырновским и его школой. Переводы же Киприана, дошедшие до нас, представляют из себя переложенные на церковнославянский язык литургические произведения патриарха Филофея Коккина. Специальный раздел главы посвящен анализу посланий и поучений Киприана, составляющих большую и важную часть древнерусской и древнеболгарской литературы XIV в. Стилистический разбор грамот и посланий, учительных произведений митрополита характеризует его как блестящего оратора и полемиста, яркого представителя пышной тырновской риторики. Уделено в главе внимание и летописной деятельности Киприана. Н. Дончева-Панайотова поддерживает мнение о редакторской работе митрополита Киприана над сводом 1408 (1409) г. Убедительным выглядит предположение об авторстве Киприана в статье о падении Тырново в 1393 г. Вместе с тем, следовало

[3] Н. С. Борисов. Социально-политическое содержание литературной деятельности митрополита Киприана. — Вестник МГУ, история, 1975, № 6.

[4] О роде Цамблаков в Болгарии и Византии см.: Г. Θεοχάριδες. Οἱ Τζαμπλακῶνες. — Μακεδόνικα, 1961—1963, 5, σ. 125—183.

бы оговориться, что непосредственный результат летописной и редакторской работы Киприана не дошел до нас в целостном виде, а Троицкая летопись представляла из себя плод более поздней редакции, произведенной после смерти митрополита и отразившей иную политическую ориентацию.[5] На наш взгляд, большего внимания заслуживают летописные памятники, в той или иной мере связанные с деятельностью Киприана: Список русских городов дальних и ближних, некоторые летописные повести и т. д.

Последняя, четвертая глава повествует об оригинальных литературно-художественных произведениях Киприана. Эта часть работы является наиболее серьезным вкладом исследовательницы в историографию проблемы. Доказывая авторство Киприана над целым рядом агиографических и литургических произведений, посвященных митрополиту Петру, Н. Дончева-Панайотова высказывает мнение, что этот цикл — уникальное явление в древнерусской и древнеболгарской литературах, т. к. писатель посвятил одному и тому же святому житие, канон, службу и похвалу (с. 171). Несомненная заслуга автора состоит в обнаружении и атрибуции двух ранее неизвестных произведений Киприана — канона и похвалы первому московскому митрополиту. На многочисленных примерах и параллелях исследовательница показывает, что агиографическое и литургическое творчество Киприана опиралось на богатые традиции Тырновской школы и становилось образцом для аналогичных жанров древнерусской литературы, являясь проводником бесценного культурного наследства средневековой Болгарии на Русь. Убедительной представляется и датировка автором этапов работы Киприана над циклом — 80-е гг. XIV в. (житие) и вторая половина 90-х гг. XIV в. (канон, служба и похвала) — (с. 179—180). Н. Дончева-Панайотова отмечает актуальную идейно-политическую направленность цикла, где находят отчетливое выражение взгляды Киприана на роль Москвы в объединении русских земель. С циклом произведений о Петре в древнерусскую литературу впервые в полной мере вошел пышный южнославянский стиль „плетения словес", впоследствии получивший яркое развитие на местной почве.

Книга Н. Дончевой-Панайотовой — серьезное и интересное исследование, вносящее значительный вклад в изучение болгаро-русских исторических связей в средние века и проливающее свет на некоторые малоизвестные аспекты деятельности и творчества митрополита Киприана — яркого представителя Тырновской литературной школы и тонкого политика. Нет сомнений, что этот труд будет встречен читателями с большим вниманием и интересом, которых он вполне заслуживает.

Пользуясь правом рецензента, обратим внимание на некоторые неточности, встречающиеся в тексте. На с. 10, 23 с деятельностью Киприана связывается создание Степенной книги, в то время, как этот памятник точно датируется 60-ми гг. XVI в. Летописное сведение, приписывающее эту заслугу Киприану, принадлежит поздней традиции. На с. 23 упоминается „литовский князь Ольгерд Витовт", хотя это — два совершенно разных лица, а на с. 67 говорится о „политическом сепаратизме" Ольгерда по отношению к Москве, тогда как великий князь литовский был суверенным государем. На с. 97 гривна ошибочно названа мелкой монетой, но в конце XIV в. это — условная счетная денежная единица. На с. 110 с редакторской деятельностью Киприана без достаточной аргументации связываются слишком многие памятники, прежде всего, „Задонщина". На с. 150 упоминаются два списка Троицкой летописи, хотя науке известен лишь один, сгоревший во время московского пожара 1812 г. Непонятно, почему автор цитирует документы Константинопольской патриархии, написанные по-гречески, на русском языке (с. 68, 69, 70). Высказанные частные замечания не умаляют общей высокой оценки книги.

---

[5] И. Б. Греков. Заключительная часть Троицкой летописи и проблемы авторства летописного свода 1409 г. — Советское славяноведение, 1982, № 2, с. 43—60.